

ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА КНДР

Александр Андреевич ШИЛИН

к.и.н., первый секретарь Департамента по вопросам безопасности
и разоружения МИД РФ

*Лекция, прочитанная 6 апреля 2006 г. в Московском физико-техническом институте
для слушателей курса*

Режим нераспространения и сокращения оружия массового поражения и национальная безопасность (<http://www.armscontrol.ru/course/>)

Ситуация вокруг Корейского полуострова была достаточно напряженной в течение фактически всех последних шести десятилетий. Пережив в начале пятидесятых кровопролитную четырехлетнюю войну, полуостров стал ареной сложного, порой драматического процесса межкорейского урегулирования. Дополнительную сложность существующих здесь политических проблем обуславливало то обстоятельство, что в этой части Северо-Восточной Азии пересекаются

интересы не только непосредственно находящихся в ней двух корейских государств, но и четырёх крупнейших мировых держав – России, Китая, США и Японии.

Однако в конце 2002 года Корейский полуостров стал, бесспорно, главной болевой точкой всего Азиатско-Тихоокеанского региона. Причиной резкого обострения обстановки стали претензии Северной Кореи на обладание ядерным оружием в условиях, когда эта страна находится вне контроля Международного Агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) и вне рамок Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

Начало северокорейской ядерной деятельности относится к 1965 году, когда в стране вошёл в строй первый исследовательский атомный реактор, поставленный СССР.

Первые два десятилетия ядерной деятельности КНДР прошли, в общем, незаметно для международного контроля. Пхеньян подписал Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) в 1985 году. Это решение было принято не без влияния Советского Союза, который занимал принципиальную позицию в пользу присоединения к этому договору максимального числа стран и, развивая весьма масштабное сотрудничество с КНДР в ядерной области, должен был иметь гарантии того, что северокорейцы не станут переключать свой мирный ядерный потенциал на военные цели. Примеча-

тельно, что на этой позиции никак не сказывались союзнические отношения с «собратьем по социалистическому лагерю». Следует заметить, что в годы «холодной войны» СССР и США, несмотря на противостояние, проявляли поразительное единодушие и общность подходов каждый раз, когда дело касалось проблематики нераспространения оружия массового уничтожения.

Однако, присоединившись к ДНЯО, Пхеньян еще в течение семи лет – до 1992 года – воздерживался от заключения с МАГАТЭ соглашения о контроле над ядерной деятельностью, что является необходимым требованием для каждого участника Договора. В этот период постоянно поступали неофициальные данные о том, что КНДР проводит ядерные исследования военной направленности. Обеспокоенность усугублялась тем, что Пхеньян в то же время активно развивал и программу создания баллистических ракет.

Впервые ядерные амбиции КНДР привлекли международное внимание в 1993 году, когда, наконец, в этой стране началась инспекционная деятельность МАГАТЭ. Реакцией на настойчивые требования допустить проведение инспекций на двух объектах, которые не были заявлены Пхеньяном как ядерные, а являлись, по его утверждению, военными, стало заявление правительства КНДР о выходе из ДНЯО, прозвучавшее 12 марта 1993 года. В ответ мировое сообщество, в т.ч. и Россия, полностью приостановило сотрудничество с КНДР в ядерной области. Совет Безопасности ООН принял 11 мая 1993 года резолюцию с призывом к Пхеньяну вернуться в ДНЯО и продолжить сотрудничество с МАГАТЭ, которая была расценена Северной Кореей как вмешательство в её внутренние дела и посягательство на государственный суверенитет.

В июне 1993 года КНДР в обмен на обязательства США не вмешиваться в её внутренние дела и не угрожать применением силы заявила о “приостановлении” вступления в силу решения о выходе из ДНЯО. Свое окончательное решение относительно дальнейшего участия в Договоре Пхеньян обусловил урегулированием военно-политических вопросов на Корейском полуострове и нормализацией своих отношений с США. Однако инспектора МАГАТЭ не были допущены на несколько «подозрительных» объектов в стране, после чего ее Совет управляющих принял решение о прекращении содействия Пхеньяну в осуществлении ряда проектов. В ответ на это КНДР заявила о выходе из МАГАТЭ и об отказе от инспекций Агентства.

США начали двусторонние переговоры с КНДР о возможности свёртывания ее военных ядерных разработок, которые завершились 12 августа 1994 года подписанием т.н. “Согласованных рамок” (принятое в настоящее время название “Рамочное соглашение” является не совсем точным переводом английского оригинала «Agreed Frameworks»). В соответствии с этой договоренностью КНДР приняла обязательство прекратить строительство атомного реактора, которое она вела уже довольно долго, отказаться от работ по получению плутония, принять меры к демонтажу объектов, вызывавших наиболее острую озабоченность, вновь допустить в страну инспекторов МАГАТЭ и принять ряд других подобных мер. В обмен на это для удовлетворения энерге-

тических нужд КНДР создавался специальный международный консорциум – КЕДО (Организация по энергетическому развитию Корейского полуострова), участниками которого стали “заинтересованные страны” – США, Япония и Южная Корея, а также ЕЭС.

В рамках КЕДО американцы обязывались построить в Северной Корее два энергоблока с легководными реакторами, т.е. такими, на которых практически невозможно получить плутоний оружейного качества. Ввод их в строй был запланирован на 2005 год. До этого момента США брали обязательство поставлять в КНДР по 500 тыс. тонн мазута ежегодно в качестве компенсации за прекращение выработки электроэнергии на северокорейских атомных реакторах.

Новый кризис разразился в октябре 2002 года после поездки в Северную Корею заместителя Госсекретаря США Дж.Келли, в ходе которой произошёл резкий обмен агрессивными высказываниями и взаимными обвинениями. Вскоре после возвращения Келли американцы вначале задержали поставку очередной партии мазута в КНДР, а затем и вовсе приняли решение о прекращении таких поставок. Северокорейцы, в свою очередь, начали поэтапно сворачивать сотрудничество с МАГАТЭ под предлогом невыполнения Вашингтоном обязательств по КЕДО.

Обвиняя Белый дом в срыве договорённостей, северокорейцы были не так уж и далеки от истины. Обязательства по поставке мазута выполнялись американцами весьма неаккуратно, отгрузка топлива постоянно задерживалась. Что касается сооружения обещанных энергетических реакторов, то к началу 2002 года удалось только оборудовать площадку для строительства.

После того, как инспекции МАГАТЭ в Северной Корее были прекращены, корейцы объявили о расконсервировании ядерного центра в Нёнбёне, где находится исследовательский реактор, сооружённый с советской помощью в 1965 году. Свои действия по уходу из-под международного контроля Пхеньян совершал поэтапно — вначале были убраны камеры наблюдения, установленные инспекторами Агентства на некоторых ядерных объектах, затем инспекторов вообще попросили покинуть страну. Наконец, 10 января 2003 года, Северная Корея объявила о своём выходе из ДНЯО. Формальную процедуру выхода из Договора Пхеньян выполнил. В результате, сейчас уже не осталось юридических оснований считать КНДР страной, продолжающей оставаться в ДНЯО. Северная Корея дополнила число государств, не участвующих в нем, до четырёх, попав “в одну компанию” с Индией, Пакистаном и Израилем (эти государства не только не участвуют в международном режиме ядерного нераспространения, но и обладают военным ядерным потенциалом).

12 декабря 2002 года в Пхеньяне было объявлено о возобновлении ядерной программы, которая была заморожена по Рамочному соглашению 1994 года. Главным доводом северокорейцев в пользу продолжения военных ядерных приготовлений стало утверждение, что “силы ядерного сдерживания” необходимы им, якобы, в целях предотвращения войны – в условиях, когда США не выполнили в срок своих обязательств

по Рамочному соглашению, занесли Северную Корею в список стран “оси зла”, по которым могут потенциально наноситься превентивные удары и открыто подчёркивают своё стремление к свержению существующего в КНДР строя.

Северокорейцы дали понять, что обсуждение вопроса о свертывании военной ядерной программы возможно только при условии предоставления им официальных гарантий безопасности со стороны США. Для этого американцам предлагалось подписать с КНДР соглашение о ненападении. Однако Вашингтон не давал на это согласия, ссылаясь, во-первых, на отсутствие прецедента – США никогда не подписывали договор о ненападении с другим государством, - во-вторых, на то, что даже при согласии президента на заключение такого договора, Конгресс не одобрит его подписание.

В отличие от 1993-94 годов американцы предпочли вести разговор со столь непростым оппонентом как Северная Корея не один на один, а в многостороннем формате. Поэтому Белым домом было принято предложение Пекина, проявившего инициативу оказания «добрых услуг». В Вашингтоне, очевидно, осознавали, что Китай единственный, в отличие от всех остальных стран региона, обладает реальными рычагами воздействия на режим Ким Чен Ира, оказывая КНДР солидную экономическую помощь.

В Пекине 23-25 апреля 2003 года прошли переговоры в трехстороннем формате Китай - КНДР – США, которые не привели к заметным подвижкам в позициях оппонентов. При этом Россия, Япония и Южная Корея высказались за то, чтобы их также подключили к урегулированию северокорейской ядерной проблемы, мотивируя это своей законной заинтересованностью в нём. Аргументы российской стороны подкреплялись нашей ролью депозитария ДНЯО, а также наличием общей границы с КНДР. Южная Корея ссылалась на неделимость безопасности всего Корейского полуострова, а также накопленный опыт неофициальных контактов с северными соседями. Япония тоже не могла оставаться в стороне как участник КЕДО и крупный донор экономической помощи КНДР. В конце концов, в основном благодаря немалым дипломатическим усилиям России и Китая, заинтересованные государства остановились на шестистороннем формате, включающем КНДР, США, Китай, Россию, Японию и Южную Корею.

Первая шестисторонняя встреча состоялась в Пекине 27-29 августа 2003 года. С самого начала стало ясно, что, несмотря на многосторонний формат переговоров, возможность продвижения к компромиссу всецело зависела от позиций двух сторон — американцев и северокорейцев. Разногласия Вашингтона и Пхеньяна, их неуступчивость и нежелание сделать первый шаг навстречу друг другу стали основным препятствием для нахождения развязки. Впрочем, шестисторонний формат позволил всё же значительно сгладить некоторые «острые углы» и сбить резкую тональность взаимных выпадов оппонентов.

Разногласия США и КНДР стали основным препятствием на пути к урегулированию и на протяжении последующих двух раундов переговоров (в феврале и июне 2004 г.).

С самого начала переговорного процесса северокорейская сторона фактически превратила свою ядерную программу в предмет торга и её усилия были сосредоточены прежде всего на том, чтобы максимально повысить цену за свой отказ от военных ядерных разработок. Помимо требований о гарантиях безопасности, Пхеньян запросил у своих партнёров по диалогу масштабную экономическую помощь. Такой подход представляется, в общем, неудивительным для страны, уже много лет испытывающей жесточайшую нехватку сырья, продовольствия и валютных средств, большая часть населения которой находится на грани выживания.

Начало переговоров по оказанию КНДР экономического содействия американцы оговаривали предварительными условиями, главным из которых было свёртывание и демонтаж всех ядерных программ Северной Кореи. Данное требование было сформулировано как CVID (Complete, Verifiable and Irreversible Dismantlement – полное, проверяемое и необратимое свёртывание). Пхеньян крайне резко реагировал на любые предварительные условия, а на малейшие упоминания о CVID отвечал самыми жёсткими заявлениями. Более того, для Пхеньяна принципиально важным является обязательное участие США в компенсациях за его отказ от ядерной программы с самого начала их предоставления, пусть даже символическое. Белый дом же отказывается от участия в программе компенсаций, хотя и оставляет возможность присоединиться к ней на последующих этапах.

Вторая острейшая проблема возникла из-за американских обвинений КНДР в осуществлении программы обогащения урана в военных целях. Американцы настаивают, чтобы этот вопрос стал одним из основных пунктов повестки дня переговоров, когда начнётся субстантивный разговор. Северная Корея, в свою очередь, полностью отвергая наличие обогатительной программы, категорически отказывается не только вести по ней переговоры, но и вообще упоминать её в официальных текстах. Третий американский принцип, которого они долго придерживались – отказ КНДР в праве на любое использование атомной энергии даже после свёртывания ей военных программ.

Несмотря на убеждения партнёров по переговорам, американцы продолжали стоять на своём, и, хотя после третьего раунда термин CVID ими больше не использовался, суть их подхода осталась прежней. Осознавая, что подобный американо-северокорейский “разговор двух глухих” не сможет сдвинуть процесс с мёртвой точки, Россия ещё к второму раунду выработала так называемую “пакетную схему” урегулирования, которая позволила бы учесть в равной степени интересы всех сторон. Основой российской концепции стал принцип одновременных параллельных шагов, предпринимаемых КНДР с одной стороны и остальными пятью странами с другой, без выдвижения предварительных условий. На первом этапе северокорейцам следует полностью заморозить (без демонтажа) всю свою ядерную деятельность, как мирную, так и военную, и продекларировать, что это является шагом к конечной цели - обеспечению безъядерного статуса Корейского полуострова. При этом не важно, есть ли у КНДР программа обогащения урана, или нет – в любом случае замораживанию подлежит вся её

ядерная инфраструктура. В обмен на такой шаг, участники переговоров начинают поставку в КНДР энергоносителей, продовольствия и прочей помощи. Вопрос о дальнейших поставках энергоносителей рассматривается в зависимости от степени транспарентности и конструктивности, проявляемых северокорейцами. На втором этапе можно уже обсуждать конкретные элементы северокорейской ядерной программы, в т.ч. разбираться с наличием обогащения урана. Объекты мирной ядерной деятельности должны оставаться замороженными до полного возвращения Северной Кореи в ДНЯО и возобновления в стране полномасштабных инспекций МАГАТЭ. При этом КНДР сохраняет право на мирное использование атомной энергии при условии полного выполнения всех обязательств по ДНЯО и Соглашению с МАГАТЭ о гарантиях. Все участники переговоров согласились с предложенной Россией «пакетной схемой» кроме США, которые так и не высказали своего отношения к ней.

В течение всех раундов одним из основных острых моментов был вопрос о возможности поставки в КНДР атомных реакторов – тех, что предполагалось поставить по программе КЕДО. Северокорейцы настаивали на их поставке ещё до того, как их страна снова вернётся в ДНЯО и возобновит применение гарантий МАГАТЭ. Несмотря на то, что все пять остальных участников переговоров дали понять о невозможности такой меры, Пхеньян продолжает требовать получения реакторов уже в ближайшее время.

На втором раунде шестисторонних переговоров была достигнута договорённость о создании межсессионной рабочей группы по подготовке к очередной пленарной сессии шестисторонних переговоров. Её единственное пока заседание прошло 12-16 мая 2004 года, предварив третий раунд. Сам факт его проведения расценивался участниками как немалая удача в силу того, что весной и летом 2004 года обстановка вокруг северокорейской ядерной проблемы неоднократно обострялась. Так, 18 апреля 2004 года Пхеньян сделал заявление о доведении до завершающей стадии процесса переработки 8017 стержней, содержащих отработавшее ядерное топливо из реактора в Нёнбёне. Это означало заявку КНДР на обладание значимым количеством оружейного плутония.

Четвёртый раунд, который, согласно предварительной договорённости, должен был состояться в Пекине в конце сентября 2004 года, пришлось ждать почти год. В июле-августе ситуация в очередной раз обострилась - МИД КНДР выступил с заявлением об отказе от участия в заседании рабочей группы, ссылаясь на нарушение Вашингтонских договорённостей, достигнутых в ходе третьего раунда, нежелание следовать формуле «компенсации в ответ на замораживание», а также выдвижение им новых, неприемлемых для КНДР требований. Видимо, Пхеньян занял тогда выжидательную позицию в связи с начавшейся в США президентской избирательной кампанией, надеясь, возможно, на победу демократа Дж.Керри, с которым, как, возможно, полагал Ким Чен Ир, договориться будет легче. Северокорейское информационное агентство ЦТАК выступило с заявлением, в котором были чётко определены три основных условия, на которых КНДР сможет пойти на возобновление переговоров – участие американцев в

энергетических компенсациях уже на первом этапе, изменение “враждебной политики” США, внесение в повестку дня переговоров вопроса о ядерной программе Южной Кореи.

Последний пункт требований объяснялся тем, что в августе 2004 года появилась информация о том, что Южная Корея в прошлом проводила опыты по получению высокообогащённого урана и плутония оружейного качества. Интересно, что Сеул сам сообщил в МАГАТЭ соответствующие сведения. Видимо, сыграла роль ратификация южнокорейским парламентом Дополнительного протокола к соглашению с МАГАТЭ о гарантиях (Дополнительный протокол, являясь добровольным обязательством, значительно расширяет возможности инспекторов Агентства по проверке ядерной деятельности государства) – южане поняли, что целесообразнее самим “заявить на себя”, чем дожидаться, когда Агентство, действуя в соответствии с нормами Доппротокола, обнаружит упущения в ходе инспекций.

Выяснилось, что в 1982-83, а также в 2000-01 годах южнокорейским учёным удалось получить расщепляющиеся материалы необычайно высокого качества (уран обогащался лазерным методом до 99%). Количество урана составило всего 200 миллиграммов – вроде бы, ничтожно мало, но, согласно международным правилам, сам факт сокрытия любого количества такого материала является серьёзным нарушением соглашения с МАГАТЭ и должен быть рассмотрен в СБ ООН.

Это признание Сеула стало настоящим подарком для северокорейцев. Пхеньянская пропаганда немедленно заявила о “военной ядерной программе” южан и о том, что КНДР теперь ничего другого не остаётся, кроме продолжения развития сил сдерживания.

Вопрос о южнокорейских экспериментах по получению урана и плутония стал, видимо, значительно ближе к закрытию после того, как 29 ноября 2004 года Совет управляющих МАГАТЭ рассмотрел эту проблему и не нашёл в ней достаточных оснований для передачи в СБ ООН. Более того, вопрос был фактически выведен из регулярной повестки дня заседаний СУ и оставлен на усмотрение Генерального директора МАГАТЭ. Южнокорейцы рассматривают это как большой успех своей дипломатии, потому что масштаб допущенных Сеулом нарушений был, вообще-то, настолько велик, что возможность передачи проблемы в СБ ООН не казалась эфемерной.

Северокорейцы, что было вполне предсказуемо, не были удовлетворены решением МАГАТЭ по Южной Корее. Пхеньян незамедлительно охарактеризовал действия Агентства как “политически ангажированные” и выразил неудовольствие по поводу того, что на ядерную программу Сеула смотрят сквозь пальцы.

После победы Дж.Буша, однако, никакого явного изменения северокорейской позиции не последовало. По ряду данных, Пхеньяну, рассчитывавшему на приход к власти демократов, потребовалась пауза для проработки путей взаимодействия с “новым старым” президентом, с которым – хочется этого или нет – приходилось снова иметь дело.

На фоне достаточно вялого обмена критическими высказываниями между США и Северной Кореей прошла вся первая половина 2005 года. Неожиданно, летом прошлого года, Пхеньян согласился на продолжение «шестисторонки». Это позволило провести четвёртый раунд в августе, затем сделать «технический перерыв» и продолжить заседание четвёртого раунда в сентябре. 19 сентября по итогам заседания было принято итоговое заявление, не носящее обязательного характера и являющееся фактически декларацией о намерениях. В нём была определена конечная цель переговоров - проверяемая денуклеаризация Корейского полуострова. Зафиксированы обязательства сторон - для КНДР это отказ от ядерного оружия и существующих ядерных программ, возвращение в ДНЯО и гарантии МАГАТЭ; для США - отсутствие намерения нападать на Северную Корею с применением ядерного или любого другого оружия. Вопрос о признании права северокорейцев на мирное использование атомной энергии был, наконец, полностью снят - все стороны, включая США, признали это право.

Что же касается вопроса о первичности поставки в КНДР реакторов до возвращения страны в ДНЯО, то прогресса здесь не было. Очевидно, что Пхеньян надеется в конце концов «переломить» США, да и Россию (мы подчёркивали, что иначе, чем сначала ДНЯО, потом реакторы, быть не может). Но несмотря на это, в сентябре 2005 года, как казалось многим, процесс реально удалось сдвинуть с мёртвой точки – тем более, что уже в ноябре, на столь позитивной волне, начался пятый раунд. Его, как и четвёртый, было решено разбить на две части – так что формально пятый раунд, вторая часть которого так пока и не состоялась, продолжается.

Уже в ноябре обстановка была сильно осложнена очередным «обменом любезностями» между США и Северной Кореей. Дж.Буш в одном из выступлений назвал Ким Чен Ира тираном, кроме того, американцы ввели санкции против Азиатского Банка в Макао, через который северокорейцы проводили большую часть своих международных валютных операций – как легальных, так и нет. По мнению наших специалистов, ущерб северокорейским валютным транзакциям был нанесён очень значительный, причём, несомненно, пострадали счета высшего руководства КНДР. В ответ на всё это, северокорейское информагентство ЦТАК 8 ноября издало резкое заявление, утверждая, что действия американцев могут поставить под вопрос весь ход «шестисторонки» и что Пхеньян «не может доверять главе американской делегации, который был назначен таким безответственным правительством». После ноября переговорный процесс вновь был приостановлен. Как и прежде, всё зависит от согласия северокорейцев, но Пхеньян молчит, хотя в принципиальном плане от переговоров не отказывается – так, в январе 2006 года КНДР заявила, что не видит смысла в продолжении переговоров, пока США не откажутся от «санкционной политики», т.е. после изменения американского курса «шестисторонка» может быть возобновлена. Американцы считают продолжение переговоров целесообразным, предлагая вывести вопрос с банковскими операциями за пределы их повестки дня, но снимать финансовые санкции не собираются. Принципиальность их позиции объясняется в значительной

степени тем, что введения рестриктивных мер против любых организаций, имеющих отношение к обращению фальшивых долларов, требует внутреннее законодательство США. Поэтому ожидать дальнейшего смягчения американской позиции вряд ли придется. Для северокорейцев, по-видимому, сильно пострадавших от «банковского скандала», решение вопроса в их пользу становится делом первостепенной важности. Столь непримиримое противоречие рассматривается многими аналитиками как причина того, что шестисторонний процесс едва ли удастся возобновить в ближайшие месяцы – если вообще теперь удастся это сделать и не придётся искать некие иные пути решения ядерной проблемы Корейского полуострова.

При этом, разумеется, практически все обозреватели не раз задавали вопрос о наличии у Северной Кореи ядерного оружия, или вообще какого-то серьёзного ядерного военного потенциала. Заявления Пхеньяна об обладании ядерным оружием не внесли в ситуацию принципиального изменения, хотя и дали наблюдателям повод ставить КНДР на одну доску с Индией, Пакистаном и Израилем не только из-за неучастия в ДНЯО, но и по причине наличия в этих странах реального военного ядерного потенциала. Однако если с Индией, Израилем и Пакистаном в этом плане всё более-менее ясно, то вопрос, насколько Северная Корея продвинулась в создании своих рекламируемых “сил сдерживания”, остаётся открытым. Иначе говоря, неизвестно, обладает ли Пхеньян ядерными взрывными устройствами, или его военный ядерный потенциал – не более чем, выражаясь словами китайской поговорки, “бумажный тигр”. Ведь никаких реальных доказательств своего “ядерного статуса” Пхеньян до сих пор не представил. Можно, конечно, возразить, что и Израиль также никак не доказал обладания ядерным оружием, но даже если бы у Израиля его и не было, Тель-Авив в любом случае располагает мощным научным и экономическим потенциалом и достаточно развитой ядерной инфраструктурой, чтобы заполучить “ядерную дубинку”. Способность же северокорейского режима создать ядерное оружие пока вызывает споры.

Слов нет, политическая система Северной Кореи позволяет почти мгновенно мобилизовать значительные людские ресурсы для реализации проектов внушительного масштаба и, зачастую, высокой сложности. При этом отсутствие политической оппозиции и общественного мнения даёт руководству страны возможность сосредоточить финансирование на избранных проектах за счёт любых отраслей экономики или социальной сферы. Но создание ядерного оружия – процесс настолько сложный технологически, что никакой “трудовой героизм масс” (даже при неограниченной государственной поддержке ядерной программы) не сможет преодолеть некоторые важнейшие препятствия, если у государства нет подготовленной научно-технической базы. К началу 90-х годов, т.е. на момент начала политической изоляции, КНДР ещё не обладала потенциалом создания ядерного оружия, а затем северокорейские учёные оказались практически лишены доступа к чувствительным ядерным технологиям. Разработать же такие технологии самостоятельно, без связи с мировой научной практикой,

представляется исключительно сложной задачей даже для государства с более высоким потенциалом, чем Северная Корея.

Вероятно (и даже скорее всего), северокорейским ядерщикам удалось получить довольно значимое количество плутония оружейного качества. Если исходить из того, что в КНДР были успешно переработаны все 8017 стержней отработавшего ядерного топлива, в распоряжении северокорейцев могут находиться до 30 кг плутония. Этого хватило бы – конечно, теоретически – для создания двух ядерных зарядов упрощённой конструкции или трёх-четырёх более совершенных. Но здесь Пхеньян должен столкнуться с труднопреодолимыми проблемами технологического характера, потому что он, по мнению авторитетных учёных, вряд ли обладает технологией производства импlosionного заряда на основе плутония. Приобрести же такую технологию за рубежом ему будет исключительно сложно в условиях повышенного внимания развитых стран к экспорту товаров и услуг, связанных с ядерными разработками. К тому же для того, чтобы плутониевое ядерное оружие стало действительно боевым средством, необходимо предварительно провести испытание хотя бы одного такого устройства – иначе гарантировать надёжность ядерных зарядов будет трудно. Создать ядерный заряд на основе урана значительно проще, но вряд ли северокорейцы располагают достаточным для этого количеством расщепляющегося материала (хотя наличие программы обогащения урана в Северной Корее остаётся в области самых приблизительных гипотез).

Исходя из имеющихся данных о научно-технологическом и промышленном потенциале КНДР, можно достаточно уверенно предположить, что самое большее, чем эта страна сейчас располагает – способность собрать самое примитивное ядерное взрывное устройство малой мощности, при этом наверняка настолько громоздкое, что оно не сможет разместиться ни на одном боевом носителе.

При этом вне зависимости от наличия или отсутствия реального потенциала ядерного сдерживания наилучшим для Пхеньяна политическим приёмом будет поддержание вокруг вопроса о наличии у него ядерного оружия атмосферы максимальной неопределённости. Дать каким-то образом понять, что ядерного оружия у Северной Корея ещё нет, для неё разумеется, вариант совершенно неприемлемый с точки зрения сохранения политического престижа. Признать существование готовых ядерных взрывных устройств, однако, было бы тоже нерационально – это полностью перечеркнуло бы все надежды на выход из политической изоляции и получение столь необходимого КНДР международного экономического содействия.

Но даже, если северокорейское ядерное оружие – не более, чем блеф, то в любом случае КНДР развивает ядерную программу с явными военными намерениями. Таким образом, всё равно важно продолжать переговоры и добиваться свёртывания военной ядерной деятельности КНДР. Несомненно, что цена, которую северокорейцы запросят за отказ от своих ядерных разработок, будет высока, но решать проблему необходимо так или иначе – в условиях, когда режим ядерного нераспространения переживает не-

простые времена, нельзя допускать беспрепятственной реализации военной ядерной программы в каком бы то ни было государстве.

Если же говорить о потенциальном силовом решении “северокорейского вопроса”, то для США – по крайней мере, пока, – оно не является, видимо, предпочтительным вариантом, хотя, несомненно, Белый дом рассматривает и такой сценарий. Американцам едва ли захочется открывать новый фронт в условиях, когда в Ираке конца партизанской войне не видно, в Афганистане также дела идут не лучшим образом, да и кризис вокруг иранской ядерной программы ещё больше привяжет американское внимание к проблемам Ближнего и Среднего Востока.

Кроме того, в отличие от Ирака, Северная Корея в качестве объекта нападения едва ли сможет принести какие-то экономические дивиденды, а вот расходы явно будут велики. Конечно, оснащение северокорейских вооружённых сил оставляет желать много лучшего (в этом отношении Корейская Народная армия – КНА- находится на уровне 50-60-х годов). Сейчас американские войска в Южной Корее насчитывают 37 тыс. чел. при менее, чем сотне самолётов, но при наступлении угрожаемого периода численность войск будет, несомненно, увеличена в несколько раз — согласно недавним заявлениям американских официальных лиц, даже до 600 тыс. чел. Не следует сбрасывать со счетов и 500-тысячную армию Южной Кореи, которая оснащена по самым высоким стандартам, а её личный состав хорошо обучен и дисциплинирован.

В условиях подавляющего качественного превосходства американско-южнокорейских войск сопротивление КНА вряд ли будет длительным. Но несомненно также и то, что победа над КНДР достанется дорого, особенно высокими станут потери южнокорейцев – американцы явно будут пытаться свести контакт своих войск с КНА к минимуму, ограничиваясь ударами с воздуха и вступая в бой лишь при крайней необходимости. Большая сложность для Вашингтона состоит в том, что особенности жёстко тоталитарной политической системы Северной Кореи не позволяют провести надёжные разведывательные мероприятия, что называется, “на месте”, а данных только воздушной и космической разведки недостаточно. И именно неопределённость относительно наличия у Пхеньяна ядерного оружия является, вне всякого сомнения, основным сдерживающим фактором для Пентагона.

Для самой КНДР война, без преувеличения, стала бы подлинной катастрофой. Задача пхеньянского режима – обеспечить собственное выживание, а военный конфликт, вне зависимости от его исхода, поставит существование северокорейского государства под вопрос, так что северокорейцам война нужна, пожалуй, меньше всех.

Военный сценарий едва ли приемлем и для других участников “шестисторонки”. Для Южной Кореи его реализация привела бы к огромным людским потерям и экономическим затратам, да и сама мысль о новой межкорейской войне недопустима для большинства населения Юга, старшее поколение которого ещё помнит ужасы братоубийственной бойни 1950-53 годов. Ни России, ни Китаю, по понятным причинам, не хотелось бы войны в пограничном государстве, тем более, с перспективой притока се-

верокорейских беженцев. Япония, конечно, в случае начала конфликта рискует меньше всех – от КНДР её отделяет море, а многочисленный и мощный японский флот способен парировать практически любые возможные действия морских сил КНА. Но в Токио вряд ли забыли, как в 1998 году северокорейская баллистическая ракета “Тэподон” во время испытательного полёта перелетела через территорию Японии, а подвергать свою страну даже самому малому риску ракетного удара японцы, скорее всего, не захотят (а в том, что одной из главных целей северокорейских ракет будет Япония, они уверены).

Поэтому все шесть государств, ведущих переговоры, сходятся во мнении, что их продолжение не имеет альтернативы в качестве способа решения проблемы. В этой связи нынешняя пауза представляется “квазистатической” -- несмотря на внешнюю стагнацию, процесс всё равно движется и все стороны исходят из того, что переговоры рано или поздно всё же будут продолжены. Динамика развития ситуации, однако, по-прежнему зависит от того, насколько гибкими будут позиции США и КНДР.